

Р
К 43

Владимир Кирпищиков

Большеречская мозаика

Стихи
Поэма

КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир Кирпищиков

Большерецкая Мозаика

Стихи
Поэма

Петропавловск-Камчатский
Камчатский печатный двор
Книжное издательство
2003

Посвящается 300-летию Большерецкого острога, первой столицы Камчатки, — края вольных и опальных, земли надежды и русской славы, — с верой в ее прекрасное будущее.

*Владимир Кирпищиков
ноябрь 2003 года
г. Петропавловск-Камчатский*

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ

Лиро-эпическая поэма

Горжусь, что я русский!

А. В. Суворов

Посвящается Алексею Молостову

ТАЙФУН "МАРИЯ"

Меня настиг тайфун "Мария"
У тех скалистых берегов,
Где начинается Россия
В сияньи северных снегов.
Тому лет минуло немало,
А я все помню, как сейчас:

Волна до неба поднимала
И в пол решетчатый вжимала,
Когда стоял я у штурвала.
И кэп, решая все за нас,
Почти сорвав на дискант бас,

Могучим русским языком
(Чтоб сразу все понятно было),
Кричал: "Нос на волну, водила!
А то пойдем по дну пешком..." —
Шутить изволил со смешком.

Я слушал и глядел мельком,
Как, крутизну одолевая,
Бодрился сейнер впереди,
И, воздух вольности глотая,
Винт веселился позади.

И судно вдруг в пучине серой
Исчезло — мачта лишь видна.
Вослед и мой ныряет сейнер —
И в рубку хлестко бьет волна.

Дрожит корабль в напряженьи
(Как будто просится в утиль),
И кажется: еще мгновенье —
И полный будет оверкиль.

Но мудрый рокот капитана
Заставит помнить Бога Мать...
И ты в ответ ему, чеканно,
Ложась на курс: "Есть так держать!"

И, весь объят волнением странным,
Любуюсь ею, как она
Расплавленным обсидианом
Лоснится-катится — волна!

И, кажется, все сокрушая,
Она по палубе летит
Стремительно, шипя и тая,
И рубку брызгами слепит!

О, это светопреставленье
И упоение, как бой,
Когда, на грани поражения
Или победы, голос твой —
Уже глагол! и что-то значит
В тайфунной музыке борьбы.

...А впереди опять маячит
Верхушка мачты — знак Судьбы.

И знаки эти, будто вехи,
Влекут во глубину времян,
Где род пытливых россиян
Овеян Славою навеки!

И клик Ее, и крыльев тяга
К земле неведомой вели
Всех дерзновенных, и отвага
Была им спутником вдали
От сени отчего порога,
От русской матушки-земли
До Большерецкого острога,

Куда сквозь штормы их несли
Под парусами корабли!

И тем уже я к ним причастен,
Что мне тайфун глядит в глаза
И, сотрясая небеса,
Грозит снести на судне снасти.

Наперекор ему, все страсти
Во мне разыграли! И во власти
Воображенья, как причастья, —
Я поднимаю паруса!

Лети, фантазия моя,
Веди в незнакомые края!

ПОЧИН

Половину суши
Я изучил давно,
Но людские души
Постичь не суждено;

Морскую гладь и небо
Мне удалось познать:
Чем дальше — больше треба
Все в жизни испытать.

И вот меня однажды
Судьбою занесло
В суровый край отважных —
В камчатское село.

С плашкоута на берег
Я спрыгнул прямо в грязь.
Так, с поиска Америк,
Здесь жизнь и началась.

А первым был Атласов,
Мой тезка и казак:
Пленил иную расу
И наложил ясак.

В то время Русь нуждалась
В деньгах, как никогда:
Везде над ней сгущалась
Военная беда.

"Пригожие Европы"
Мечтали, как бы нас
Превратить в холопы
Для них в удобный час;

Властители Востока
Терзали нашу Речь
И с именем Пророка
Несли огонь и меч.

И всюду кровь и смуты,
И всюду мор и глад,
И всюду меры круты:
Клеймо, Сибирь и хлад.

И, волей и неволей,
Шел русский люд сюда
За непонятной долей
И — строил города;

Развертывались пашни
И промысел в тайге,
И жалкий раб вчерашний
Привыкал к пурге;

Привыкал к народам,
Средь которых жил,
И ломал породу
Златоносных жил;

Промышлял и зверя,
Ценный рыбий зуб,
Лишь в удачу веря
Да в охотный зуд.

Так и богателя
Царская казна,
Значит, и сильнела
И моя страна.

Но мысль Петра — все дальше,
И — тяжелее длань:
Хозяином — без фальши! —
Брать с инородцев дань.

И потому Атласов —
Не друг им и не враг —
Всех ительменов сразу —
В ясак, в ясак, в ясак!

И потому походы
Чем дальше, тем трудней:

Коварство непогоды,
Предательство друзей;

И на душе тревога —
Бессилие и злость,
Что сделал, вроде, много,
Но вот не довелось

Самому́ острожек
Превратить в Острог...
Но Крест поставить все же
На Уйкоали смог!..

И уж Европа чует,
Что русский государь
Больше не спасует,
Как перед ханом, — встарь!

Уже не за наследство
Испанское — война:
Нашего соседства
Пугается она.

Но юный гений битвы,
Неукротимый Карл,
Презрев чужие титулы,
Как древний викинг, — ярл,

Гоняет пол-Европы
Надутых королей,
Громит Петра... Еще бы! —
Ведь мы — пока — слабей...

Пока слабей, а, значит, —
Война, война, война!
И наши все задачи
Решит одна она.

ТРОПА-СУДЬБА

Набиты тропы тысячами ног,
Как судьбами, за множество столетий.
И в этом сонме был не одинок
Его рывок встречу солнцу, на Восток,
Где мир иной вставал в ином рассвете.

И, обгоняя скорости его,
Молва о нем летела и страшила,
Как молнии неведомая сила
Внушает ужас мощью огневой.
(Скажу я прозой: так оно и было).

Атласов шел. И не было вокруг
Туземца, кто бы ни был наготове
Привычно и беззвучно вскинуть лук,
Иль нож метнуть из крепких ловких рук
И возопить при виде русской крови.

Но шел Атласов! И ему в горах
Блестел на скалах изумрудом стланик,
И к облакам тянулся шеломайник,
И шастал зверь, и в синих небесах
Парил орел: хоть царь, но — вечный странник...

Атласов шел, и проводник-толмач
Одно и то ж талдычил всю дорогу,
Что Кутх велик и слышит каждый плач,
Что от расплаты не уйдет палач,
Что русскому нет места в юрте богу.

Он понимал, Атласов, что ему
Здесь володеть в неведомой земле,
Чтобы России прочно утвердиться,
Не уступая пяди никому,
А, значит, быть, хоть малой, но — столице!

И место выбрал — на реке Большой,
Где тундра, тальники да комарье — столбами,

Где ягода манит, где пахнет черемшой,
Неисчислимо рухляди живой
И рыбы — хоть лови руками!

И не такой уж недоверчив люд:
Смотри, какой мальчонко синеглазый!
И, кажется, они его зовут
Иван? А что греховно тут? —
Красавицы! Нахально лишь не лазай...

Отрада в этом, может, и беда:
Народ гульливый, казачки, охочий...
Вдруг уведут агатовые очи? —
Ищи потом, свищи... Вот новая страда!
А ты за все в ответе, между прочим.

Перед собой в ответе и пред ним —
Великим Госудáрем — пред Россией!
И вот — навет! За всякие насилья...
О, Господи! — На дыбу! Эт по силе
Лишь русскому... Но, Государь, усилья
Тебе же были! — Видит Бог! — Одним
Тобой, Всевышний, обретаю крылья!...

Жестока правда... И — не я судья
Тебе, Атласов: за твои начала
Других лукаво истина венчала,
Тщедушно Слава и тебе ж кричала...
Но в этом ли соблазны бытия?!

Вот он стоит, воздвигнутый тобой
Не стольный град, но — Крест на перепутье!
Моя Россия никогда в забудье
Не будет перед Русью! Но покой
Нам не начертан в этой мутной жути —
Сегодняшнею жизнью огневой!

И острожок тот, на реке Большой,
За частоколом и за перелеском,
Разросся и острогом Большерецким,
Заложенным, пускай и не тобой,
Стал на Камчатке русскою судьбой!

И вот случилось это, наконец:
Означили на карте генеральной,
Как торжества могущества венец, —
Уверенною точкой — Большерецк —
Столицу края вольных и опальных!

КАМО ГРЯДЕШИ

О, память! Ты единственное чудо,
Что не предаст и не продаст меня,
Ты — бестелесна и идешь оттуда,
Где ни дыханья нет и ни огня.

Но сила моего воображенья
Способна все на свете воскресить
И жизнь вдохнуть в небытие и тленье,
Заставить петь и плакать, и любить;

Заставить время сжаться, как пружина,
И расстоянье стиснуть в поцелуй.
И вот она, нелегкая година,
Где ни "аминей" нет, ни "аллилуй",

А только напряжение сил и нервов,
А только воля мудрого Петра:
России быть последней или первой?
Один ответ: нам первым стать пора!

И, на восток пределы раздвигая,
На зло и зависть недругов своих,
Пошла сюда Россия Молодая —
В простор камчатских далей снеговых!

СТРАДА

1

Всегда бывает так перед грозой:
 Вдруг полыхнет ликующе зарница
 Меж черных туч серебряною птицей,
 И следом, словно Божья колесница,
 Она, гроза, громыхнет над землей,
 Дохнув живой озоновой волной, —
 И небо теплым ливнем разразится,
 Как будто вестью освежит благой!

2

И ты стоишь, блаженством упоен
 От чудотворной этой благодати
 И шепчешь, как молитву: "Исполати..."
 Всему живому и небесной рати,
 Ее благословеньем окрылен, —
 Как бы святой водою окроплен, —
 На подвиг и на смерть во имя братьий
 Минувших на Руси и будущих времен.

3

И он стоял, не ведая о том,
 Что лишь до ночи быть ему Острогом,
 Жить в беззаконьи и в законе строгом
 И в сумерках, на берегу отлогом,
 Взметнуться к небу огненным дождем.
 Не уберется и заказчик в нем —
 Ярыгин Дмитрий, грешник перед Богом,
 Враг инородцу, тать — перед царем.

4

Вот рухнула ясачная изба,
 А следом — аманатская казенка.
 Вонь юколы горящей; медвежонка
 Истошный вой; и факелом — хатенка;

Из луков беспощадная стрельба.
У берега качается долбленка...
Огонь и пепел — кончена борьба.

5

Наутро вдруг разверзлись небеса —
И ливень хлынул на дымящий остров,
Как на плывущий корабельный остов,
Средь ягодно-грибной пучины тундры пестрой.
И воронье все метило в глаза
Раздетых трупов. И лежал казак,
Еще вчера пугая дюжим ростом
Аборигенов, когда брал ясак.

6

Прав оказался проводник-толмач:
Нет больше Большерецкого острога!
Никто ясак с тебя не спросит строго,
В землянку не заглянет, как в берлогу,
За дочкой иль женою, как ни прячь...
И не впрягут тебя вместо кляч
На чужака пахать за ради Бога.
Так пой от счастья, радуйся и плачь!..

7

Но отчего в глазах такая грусть?
Не ты ль прославил имя ительмена?
Смотри, какая в жизни перемена! —
На поясе тесак, рубаха — по колена,
Что с русского содрал. Теперь его не трусь. —
Пляши, пляши, пляши — вышагивай, как гусь.
Но мысль одолевает постепенно:
Вдруг — тенью у костра — непрошенная Русь?!

8

Предчувствие его не подвело:
И вскоре, из темниц, но в славе и обласкан
(В такое можно верить только сказкам
Да былям, если ты в истории натаскан),

Явился в светлый праздник Хололо
Атласов-атаман! — вершить добро и зло —
С товаром да при пушках на салазках —
И всю Камчатку судорогой свело!..

9

И Большерецк он приказал воскресить!
Сыск отрядил мошенников-смутьянов.
И в лоскуты пороли самых рьяных.
И тут предстал в рубахе — уже драной —
Знакомец-проводник: покорность весь и лесть.
— Как на него ты руку смел вознести,
На друга моего?! — шипел Атласов пьяно. —
Дарую тебе жизнь: на муку — мою месть!..

10

И на глаза мои и попадать не сметь! —
...Пан Козыревский ительмена вышиб,
Как верный пес тот, у Марии Мнишек, —
Отрепьев Гришка, — что в цари не вышел,
В отечестве найдя собачью клеть.
И Козыревский испытает плеть.
И с каждым ее свистом станет выше,
И обретет бессмертье через смерть!

11

То будет после, а пока он — друг
Атласову, соратник и помощник
Средь головешек, обгоревших мощей,
Поросших иван-чаем, сочным хвощем
И черемшой, что заменяет лук,
Полезной от цинги и всех телесных мук.
Но только не душевных... (Будет проще
Не говорить о них при людях вслух).

12

Уже тогда, сметливостью своей,
При честолюбье и крутой гордыне,
Атласов понимал, что одному отныне

Не мудрено остаться, как в пустыне
Библейской той: ни отклика людей,
Ни писка комара — одно шипенье змей...
(Их, правда, на Камчатке нет в помине.)
Вот тут и умудряйся — володей.

13

И надо при себе всегда иметь
Два-три — на клятве! — верных казачины,
Кто в слове нерушимы и едины,
Кто не покажут в буйной рубке спины,
Кто может и во тьме и слушать, и глядеть,
Кто на чужой беде не станет руки греть,
За друга умереть готов хоть на крестине,
И, буде во грехе, — на небеси взлететь!..

14

Но где таких найти? Все — оторви да брось.
Хоть буйны головы да пакостны людишки.
И каждый при своем грабительском умишке:
Пойми, что́ норовит он сделать в передышке
Работ на Большерецке? Даже гвоздь
Взамен отдаст на шкурочку. Небось,
В богатстве ительмена он не лишним
Окажется: заменит камень, кость...

15

В хозяйстве иноверцев — топоры,
Ножи и ружья, и вонючий порох,
Лазурный одекуй и вышивок узоры,
Лампадки, даже складни, до которых
Нет ительмену дела до поры...
Гляди-тко! Казаки и на язык востры:
За все про все несут пушнины ворох,
А сверх того — ясак. И девок во дворы

16

Не на аркане тянут, не силком,
А ласкою, как прежде, — на гулянье.

...В избе столы трещат, смотрины и маханье
В закутке на мехах, и теней колыханье
При восковых свечах. И пономарь ничком
Икает самогоном с балычком,
Бормочет иноверец заклинанье
И норовит к дверям бочком, бочком...

17

Вот самый час Атласова поймать
В насилье, воровстве, прелюбострастье! —
В пороках душу отворил он настежь:
Туземцев обобрал и казачков — отчасти,
Строптивых повелел в "железа" заковать. —
Царев слуга, сам оказался тать.
И голос Козыревского: "От власти
Володьку отстраним. А там уже как знать..."

18

В злодея сразу превратился он:
Не атаман, а капище пороков.
И все поклепы навалились скопом.
Петра — и то! — задели ненароком,
И память перекинулась на Дон:
Соблазн — велик, опасность — не закон...
Но соглядатай — тихим боком-скоком —
И вот Якутск проведаль где чей звон.

19

Короток суд: веревку да — на сук.
Дарована не всем смутьянам Божья милость.
Оставшаяся горстка помолилась
На крест святой и миру поклонилась —
И Козыревский их повел на юг
Недавний смертный искупать испуг.
Толпа вослед глядела и дивилась:
Как избежал он справедливых мук?

20

Ведь на его же совести Отлас!
Но Козыревский, дока и пройдоха,

Каких рождает дерзкая эпоха,
Знал на Курилы путь совсем неплохо —
И выполнил царя великого наказ:
Об островах составил полный "скас"
И сдал меха. И, не узря подвоха,
В Преображенский угодил приказ.

21

Здесь до него уж тысячи прошли,
Повинные в одном лишь "слово-дело".
И вспомнило его истерзанное тело
Лицо Атласова, когда оно немело,
И синие глаза живым упреком жгли.
А ты в кровавой доскакал пыли
До своего узилища-предела:
Не отмолить грехов — как ни моли...

22

Ведь говорят не зря: где власть — там грязь.
Как чаруса, она тебя манит и губит.
И кажется, что каждый тебя любит,
Но этот "каждый", улыбаясь, рубит
Твой сук над пропастью, чтобы скорее упасть
В нее ты смог. И эта правда-страсть
Заупокойную тебе молитву трубит.
Так помни: коли чист — во власть вовек не влазь.

23

Но исконí, кого ты ни спроси,
Верх забирают мужество и сила,
Какие в нас история вселила,
Вселенной кровь смешала и взбурлила —
И мы предстали Миру, как еси!
А коль силен — пощады не проси.
И мы не просим, только бы хватило
Володек да Иванов на Руси.

24

Они Камчатку вдоль и поперек
В упряжках и собачьих, и оленьих,

Пешком, ползком, на содранных коленях
Прошли, подвластны воле и стремленью
Великого Петра, кто не берег
Себя и ближних в тот суровый рок,
Воздвигнув Петербург на удивленье
И мощь Полтавой русскую обрек!

25

То было время пушек и штыков,
Высокой дипломатии и пыток,
Когда врагов, как правило, избыток,
А в трудную минуту друг твой прыток:
И в бриллиантах, в кружевах шелков
Схоронится за род свой ста веков.
И вновь историю закрутят в крепкий свиток
Семнадцать миллионов мужиков.

26

И среди них — две сотни казаков
На дальнем полуострове туманном,
Где тундра стелется нарядом самотканным,
Свои цвета меняя неустанно
До первых и морозов, и снегов;
Где пики гор во льдах — среди черных облаков,
Где в скалах океан в работе непрерывной
Испытывает прочность берегов.

27

Здесь Большерецкий распахнул присуд
От моря и до гор свои уголья.
А по весне такое половодье
И гам такой, и птичье хороводье
Нам южные ветра сюда несут,
Что край преображается в приют
И в колыбель пернатых — в благородье
Земных забот, храня свою красу!

28

А зимним утром, когда первый снег
Сверкнет на солнце, бриллианто-розов,

И хрупким инеем покроются березы,
Зардеется щека от крепкого мороза
И легких нарт услышишь скользкий бег,
И вспыхнет вдалеке огневки рыжий мех, —
То не сдержать тебе упряжку бóрзых
И удаль не сдержать охотничьих потех!

29

А лишь увал крутой перевали,
На лыжи встань в распадке буреломном,
Тут черномордый соболь взгляд нескромный
Уставит на тебя, и бес в глазенках темных
Запрыгает. Скачок! — и вот зверек в щели
Или в дупле сидит, и шикшой издали
Глаза его глядят на этот вероломный
Мир без пощады, где — одни петли.

30

Атласовский толмач их ставит, ительмен.
Запутанный в долгах, он, словно раб, ясачит
И с казаками пьет, и над судьбиной плачет...
Но что теперь его уже переиначит? —
Не надо падать ниц, чтоб не вставать с колен...
Но, чу! вон белка — прыг! — и первородность ген
В мгновение решить заставит все задачи:
Сразил тупой стрелой — и мыслей перемен!

31

В землянке духота и сальники чадят,
Но радуется удачная охота,
Объяла всех веселая работа! —
Насытятся б скорей да поплясать охота...
У взрослых — пот со лба, потеха — у ребят:
Смеются белозубо и галдят,
Глазенками сверкая беззаботно,
А мамы раскраснелись и грозят,

32

Мол, не мешайте, не до вас пока!
Олень уже разделан деловито —

Со льдом куски кладут в долбленое корыто,
А следом — камни, что шипят сердито,
В жаровне раскаленные слегка.
И пар валит в отверстие потолка,
И терпкий запах кухни неолита —
Как памятью — в грядущие века!

33

Но детворе сегодня невтерпеж —
Ей дай сейчас отведать хоть кусочек!
А то, глядишь, еще родня наскочит —
На дармовщину кто поест не хочет?
Свои же люди — как не позовешь?
(Они — сегодня, завтра — ты придешь.)
Но этот запах ноздри так щекочет,
Что на живот голодный не уснешь...

34

О, этот голод! — лютый царь царей —
Простер крыла и над землею реет,
Мутит рассудок и раздоры сеет,
И пред его всесилием немеет
И стар и млад в покорности своей.
Но есть преграда всех его путей —
Упорный труд: он все преодолееет,
А, значит, он и голода сильнее!

35

А там не за горами и весна.
На горизонте — глядь! — запарусили
Под грузом тяжким, что теперь по силе
Везти в Камчатку жилистой России, —
Идут, товару всякого сполна,
Великороссов корабли! Страна,
Незна́ема дотоль, за морем синим,
Прищурилась и — насторожена...

СОДЕРЖАНИЕ

Сквозь сердце. Стихи	5
----------------------------	---

I. Жажда

Веха	6
Жажда	7
"Проснись, когда тебя взорвет..."	8
"Меня всегда бодрит дорога..."	9
Туманы августа	10
"Ах, эта ночь!..."	11
Все интересно	12
Уколы	13
В дороге	14
"Как тысячи лет назад..."	15
Стройка	16
Землепроходцу	17
И тревога, и покой	18
"Апрель, а весною не пахнет..."	19
"О, сердце неумное, уймись!..."	20

II. Было утро

"Я шел к тебе за тридевять земель..."	21
Если сегодня	22
В мире есть ты	23
Королева	24
"Мы рядом шли, но мне казалось..."	24
Заклинание	25
"Любовь к тебе — сладчайшая казнь!..."	26

"Ты вся — мятеж..."	27
Было утро	27
"Растаю в памяти твоей..."	29
"Нас разделяют тысячи дорог..."	29
"Любимая, любовница, жена..."	30
"И плечи твои целовал..."	31
Соловьи	32
"С коромыслом полных ведер..."	33
"Что я поделаю?..."	33
"Пусто в хате, одиноко..."	34
Дожди	35
Актриса	35
"В последний миг, когда я упаду..."	37

III. Родина — причал

"Я знаю высшее начало всех начал..."	38
Дороги веры	39
В океане	40
Наши льготы	41
"Волна качает..."	43
"Сириус — Альфа Большого Пса..."	44
Баллада о верности	45
Нерпы в моде	47
Озера в тундре	49
Когти	49
"По комнате — дорожка лунная..."	51
На рыбацком кладбище	52
Настроение	52
Камчатка	53
"Самолеты уходят в небо..."	54
"Опять лечу над океаном..."	54
"За этой далью даль такая..."	55

Большерецкий острог. <i>Лиро-эпическая поэма</i>	57
--	----